Бешукова Фатима Батырбиевна
профессор кафедры литературы и массовых коммуникаций
Адыгейский государственный университет

Сканчибасова Сусанна Каншаовна
магистрант кафедры литературы и массовых коммуникаций
Адыгейский государственный университет

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА ХАН ГАН «ВЕГЕТАРИАНКА»

Аннотация. Рассматривается структурно-семантическая организация романа южнокорейской писательницы Хан Ган «Вегетарианка». Трёхчастная композиция произведения исследуется в качестве смыслопорождающего механизма. Прослеживается процесс постепенного умолкания героини. Анализируются опорные семантические оппозиции романа, мотив перевернутого дерева и травестированная параллель с кафкианской метаморфозой.

Ключевые слова: Корейская литература, структура повествования, фокализация, точка зрения, семантическая оппозиция, метаморфоза.

Присуждение Хан Ган Нобелевской премии по литературе 2024 года, первой в истории корейской словесности «закрепило за писательницей место в мировом каноне и резко расширило круг её читателей» [1]. Визитной карточкой автора остаётся роман «Вегетарианка», написанный в 2007 году и получивший в 2016-м Международную Букеровскую премию (вышел на русском языке в переводе Ли Сан Юн). Критическая рецепция книги обширна, но при этом структурно-семантические особенности этого небольшого и строго построенного романа обсуждаются заметно реже. Между тем оригинальность книги Хан Ган содержится не в сюжете, который умещается в одну фразу, а в способе его подачи.

Под структурно-семантическими особенностями в настоящей работе понимается взаимная обусловленность построения текста и его смысла – «исходная посылка семиотической поэтики, согласно которой художественная структура не упаковка готового содержания, а его генератор» [2]. Применительно к «Вегетарианке» такая постановка вопроса особенно уместна: главное событие романа – превращение человека в молчащий объект чужих интерпретаций – раскрывается прежде всего на уровне повествовательной техники.

Главную роль в раскрытии подтекста романа играет его архитектоника. Структура «Вегетарианки» собрана из трех частей, каждая из которых обладает жанровой завершенностью повести: у каждой – собственный протагонист-наблюдатель, конфликт, развязка. Части публиковались порознь, и следы этой издательской биографии в книге не заретушированы, а превращены в конструктивный принцип. Между частями – временные лакуны. Такое построение сразу задаёт читателю особый режим восприятия: историю Ёнхе никто не рассказывает целиком, она существует только в стыках и зазорах между тремя чужими версиями. Уже на уровне оглавления структура оказывается семантичной: целостной биографии героини нет, потому что ни один из окружающих не видел в ней личность.

Фабула книги умещается в одну строку: замужняя женщина перестала есть мясо. Все остальное наполнение романа – это реакции окружающих на этот поступок. Первая часть ведется о имени мужа: это голос воинствующей посредственности, открывающий книгу типичным признанием – жену он выбрал именно за то, что в ней не было ничего особенного: *«В ней не было изюминки, однако и особые недостатки не бросались в глаза, и поэтому она стала моей женой. Мне не приходило в голову искать хоть какой-то намек на изящество, или изобретательность, или оригинальность, но меня вполне устраивал ее скромный характер»* [3, с. 3]; вторая часть написана в третьем лице, но жестко фокализована через зятя Ёнхе, видеохудожника: взгляд мужа-обывателя сменяется взглядом эстета, одержимого образом

монгольского пятна на теле свояченицы. В третьей части сохраняется манера повествования от третьего лица – сестры героини Инхе, навещающей Ёнхе в психиатрической клинике. Голос ни разу не передается самой героине. В терминах французского структуралиста Ж.Ж. Женетта «… роман являет собой хрестоматийный случай расхождения голоса и видения» [3]: о героине всё время говорят другие, и единственная реплика, которую мир от неё требует (объяснение, почему она отказалась от мяса, которого она не дает), ограничиваясь формулой о приснившемся сне.

Смене оптики сопутствует смена темпа. Первая часть событийно насыщенна: семейные сцены, скандал, попытка самоубийства; действие движется спонтанно, от происшествия к происшествию. Во второй части событие, по существу, одно – нарастание навязчивой идеи фокального персонажа. Третья часть почти бессобытийна: больничные посещения, ожидание, воспоминания. К финалу повествование, как и жизнь Ёнхе, почти останавливается. Перед нами тот случай, когда композиционное время само по себе семантично: роман не рассказывает об истощении – он его структурно воспроизводит. Работает на ту же задачу и прием повторного рассказа: узловые эпизоды первой части, в том числе сцена семейного обеда, возвращаются в ретроспекциях части третьей, увиденные теперь глазами Инхе и нагруженные ее запоздалой виной. Одно событие, рассказанное дважды с разных позиций, наглядно удостоверяет относительность каждой из версий и подготавливает итоговое недоверие ко всякому «окончательному» рассказу о героине.

По поводу трех повествователей следует сказать, что ни одна из трех оптик на происходящее не подана автором как ложь. Муж по-своему наблюдателен. Зять по-своему честен – его одержимость не похоть, а эстетическое откровение. Сестра любит по-настоящему. Роман судит не злодеев, он описывает слепоту, распределенную поровну между вполне обычными людьми, и оттого диагноз Хан Ган острее любой сатиры.

Семантически организовано и пространство романа. Три части закреплены за тремя локусами: городская квартира стандартной планировки, мастерская художника, загородная психиатрическая клиника. Ряд выстроен парадоксально. По шкале социальной нормы героиня движется вниз, от статуса жены к статусу пациентки; по шкале внутренней – в обратном направлении, и ближе всего к своему желанному растительному состоянию она оказывается в самом несвободном из пространств, за больничным окном которого стоит лес.

Существенную роль имеют внутритекстовые заглавия. Все три части названы чужим словом о героине: «Вегетарианка» – ярлык, которым семья заменяет непостижимый для нее выбор; «Монгольское пятно» – знак, в который превращает Ёнхе желание художника; заглавный образ финальной части «Пламенеющие деревья» принадлежит уже галлюцинаторному пограничью, где сходятся ее сон и явь ее сестры.

Добавим штрих, различимый уже в заглавном слове. Корейское заглавие романа построено по словообразовательной модели обозначений приверженцев учений и доктрин: буквально оно называет не человека, который не ест мяса, а последователя вегетарианства как идейной программы. Ирония существенная: никакой программы у Ёнхе нет – есть страшный сон, напоминающий метаморфозу: «*Но мне было страшно. Моя одежда по-прежнему в крови. Пока меня никто не заметил, спряталась за деревьями. Мои руки в крови. Мой рот в крови. Ведь я подобрала и съела упавший кусок. Сочное сырое мясо терлось о мои десны и нёбо, оставляя кровавый след. В луже крови на полу сарая сверкнули мои глаза. Не может быть настолько реальным вкус сырого мяса, которое я жевала. И мой взгляд, мое лицо. Оно кажется чужим, но это точно мое лицо*» [3, с. 32]. Сама Ёнхе ни разу на протяжении книги себя вегетарианкой не называет, ограничиваясь словами о том, что не ест мясо.

Идеологизирующий ярлык принадлежит окружению, которому проще иметь дело с доктриной, чем с непостижимым личным отказом. Переводы, включая русский, эту словообразовательную иронию по необходимости сглаживают, но структурный её смысл восстановим и в переводе: заглавие романа – первое из чужих слов о героине, открывающее их длинный ряд.

Поляризованная читательская рецепция «Вегетарианки» – от признания шедевром до решительного отторжения – вполне ожидаема. Текст, направляющий читателя на сборку смыслов, неизбежно делит аудиторию: одни принимают предложенную игру, другие отказываются от нее и раздражаются на «непонятность» героини и «отсутствие объяснений». Структура, умалчивающая о главном, производит не только смысл, но и конфликт вокруг смысла. Для романа о женщине, от которой все требуют объяснений, трудно придумать более последовательный прагматический эффект.

Проведённый разбор позволяет сформулировать главный вывод: смысловое единство «Вегетарианки» обеспечено не фабулой и не героем-рассказчиком, а жестко выдержанной структурой ограниченных и взаимно непроницаемых точек зрения. Трехчастная композиция с переменой повествовательной инстанции от части к части реализует градацию понимания героини ее семьей (муж – зять – сестра) при неизменном объектном статусе героини; курсивные вставки первой части образуют единственный канал её внутренней речи. Семантический уровень романа организован оппозициями мяса и растения, кормления и отказа, прямой и перевернутой вертикали; сцены принудительного кормления – семейная и клиническая – обнаруживают изоморфизм частного и институционального насилия, а мотив перевернутого дерева переводит сюжет болезни в регистр антропологической метаморфозы, сознательно оставленной в финале без однозначной оценки.

Сопоставительная перспектива уточняет место книги в литературном ряду: по отношению к кафкианской традиции метаморфозы роман Хан Ган выполняет инверсию – превращение из претерпеваемого становится избираемым, а в сравнении с корейской женской прозой предшествующих десятилетий доводит её центральный конфликт до онтологического предела. Дальнейшее изучение темы видится в двух направлениях: сопоставление оригинала и переводов романа на уровне передачи курсивных фрагментов и телесной лексики, а также анализ поздней прозы Хан Ган, где выработанная в «Вегетарианке» техника распределённого повествования применяется к материалу исторической травмы. Для теории же повествования роман остаётся редким по чистоте примером того, как сама нарративная форма – распределение голоса, видения и молчания – способна нести основную смысловую нагрузку произведения

Список литературы:

1. Корейская писательница Хан Ган получила Нобелевскую премию по литературе [Электронный ресурс] // Korea.net: официальный сайт Республики Корея. URL: https://russian.korea.net/NewsFocus/Culture/view?articleId=259759 (дата обращения: 07.11.2026).

2.Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.

3. Хан Ган. Вегетарианка: роман / пер. с кор. Ли Сан Юн. М.: АСТ, 2025. 320 с.

4. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. / пер. с фр.; общ. ред. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998